

**ЗИНАИДА
ГИППИУС**

БАЛЬМОНТ

Зинаида Николаевна Гиппиус

Бальмонт

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26119627

Аннотация

«Начиная эту заметку, я, к собственному удивлению, вижу, что пишу о Бальмонте в первый раз. О ком только ни приходилось мне говорить за эти долгие годы? Обо всех, кажется. Отчего же никогда о Бальмонте? Оттого, вероятно, ни мне, ни другим критикам моего типа и поколения не приходило в голову писать о Бальмонте, что Бальмонт был... как-то слишком несомненен. Его сразу, без спора, и все решительно, признали тем, чем он был. Им тотчас увлеклись и седовласые адвокаты, и поголовно все барышни (до сих пор увлекаются, я еще на днях слышал это признание из пятнадцатилетних уст). Что нам, критикам, было говорить? Бальмонт сам говорил и за себя, и о себе...»

Зинаида Гиппиус

Бальмонт

Начиная эту заметку, я, к собственному удивлению, вижу, что пишу о Бальмонте в первый раз. О ком только ни приходилось мне говорить за эти долгие годы? Обо всех, кажется. Отчего же никогда о Бальмонте? Оттого, вероятно, ни мне, ни другим критикам моего типа и поколения не приходило в голову писать о Бальмонте, что Бальмонт был... как-то слишком несомненен. Его сразу, без спора, и все решительно, признали тем, чем он был. Им тотчас увлеклись и седовласые адвокаты, и поголовно все барышни (до сих пор увлекаются, я еще на днях слышал это признание из пятнадцатилетних уст). Что нам, критикам, было говорить? Бальмонт сам говорил и за себя, и о себе:

Я – размеренность русской медлительной речи...

Мы слушали и верили.

Я – певучий излом,

Я – играющий гром...

Мы слушали и видели: ну да, действительно, «певучий излом», «играющий гром». Кому же на ум придет разбирать гром, писать критику на пенье соловья? И критики, как

все прочие, любят этими вещами просто любоваться, наслаждаться.

Бальмонт был – Бальмонт, ценность в себе, всегда себе равная.

Если любишь – возьми,
Если можешь – прими...

И все его любили, брали, принимали – долгие годы. Ровные годы. Но еще до окончания их, до наступления новых страшных лет, – повеяло мутными предчувствиями. Новые требования стали рождаться, подниматься странные вопросы.

Человек ли – поэт? Несет ли он человеческую ответственность или ему «все позволено»? Дает или не дает «свободное» искусство своему служителю – свободу от всякого человеческого устоя, от всякой «банальной морали»?

Спор этот (дикий, в сущности) был очень реален, и чем грознее нависали тучи, тем становился острее. Моя последняя статья о Блоке, уже во время войны, начиналась эпиграфом:

Поэтом можешь ты не быть,
Но человеком быть обязан.

Блок в предисловии к Ап. Григорьеву тогда только что проклял все освободительное движение, восхвалил «Новое

Время» и, кстати, безответственность поэта как человека.

Эта статья была прочитана Блоку до напечатания. Мы слишком дружны были, чтобы поссориться из-за нее, да и написана была она любовно, однако мы и проспорили после весь вечер. «Потерянное дитя»... не несчастье ли для России, что поэт русский, силы и глубины Блока, может оказаться не человеком – а только «потерянным ребенком»? Или (что еще хуже) русский писатель, как Горький, – таким вредным человекообразным существом?

До большевиков, их засилья, до разрушения и страдания России, у нас не было способа, совершенно безошибочного, отделять «людей» от «нелюди». Теперь эту лакмусовую бумажку мы имеем. И теперь, когда, под лозунгом «аполитичности» искусства, писатели бросились в большевистские рептилии, – этот лозунг уже никого не обманывает. Всякий зрячий, к тому же, видит, что жизнь давно перехлестнула «политику». Если прежде еще можно было горделиво бросить: «Я занимаюсь искусством, мне наплевать на форму правительства», то повторить это теперь, сказать: «Я занимаюсь искусством и глубоко плюю на то, что мой народ дошел до людоедства» – согласитесь, это звучит уже не весьма гордо.

Испытание лакмусовой бумажкой дало нам, и продолжает давать, массу неожиданностей. В частности, между писателями, «нелюдьми» оказались многие, которых мы никак в этом не смели подозревать...

А вот поэт, которому, казалось, Богом самим назначено жить вне «политики», самый напевный, самый природный, самый соловьиный, – Бальмонт, – оказался настоящим *человеком*.

Книга «Марево» говорит нам о человечности поэта слишком красноречиво. И правда подлинной поэзии дает человеческим, – если угодно – «политическим» – утверждениям Бальмонта силу убедительности, которой нет в лучших докладах наипристражнейших политиков.

Это все тот же поэт Бальмонт, но и новый Бальмонт – поэт-человек.

...Быть, как Океан, в пустыне безразличья,
Накоплять волну, роняя в Вечность стих,
Нет, я не могу, и зеркало покоя
Не смотрясь в него, роняю –
вот – разбил.
Миллионы душ в тисках огня и зноя
Нет, как раньше пел, сейчас нельзя, нет сил.

И далее:

Знаю острие единого лишь страха:
Страшно низким стать и сердце ослепить.

Это повторяется, с упорством и твердостью:

Только запомни, – ты стар или молод, –

Плата измены – презренье в веках.

В книге Бальмонта – всечеловеческое страдание, бичи праведного гнева и постоянная молитва:

Чрез десять тысяч верст я слышу зыби звука
И там, где в пытке братъ, я около него.

Он действительно около, он видит:

Умерли. Замучены. Убиты.
Или смотрят в мерзлое окно.
И Луна струит им хризолиты
Но смотрящий стынет – пал на дно.

Как бы поучая трусливых эстетов-«аполитиков», Бальмонт говорит:

Не одни только сказки, и песни, и медь:
Сердце полную правду возьмет.
Не принять обвиняющий голос нельзя:
Через совесть проходит стезя.

И нисколько не боится он, наилиричнейший из лириков, таких стихов:

Тридцатилетняя война
Была не более ужасна,

Чем власть, которая дана
Судьбой слепцам блуждать напрасно.

.....

Слепой паук все тянет нить
Сплетает лживое витийство.
О, кто придет убийц убить,
Чтоб их убив – убить убийство!

Или:

Пятирогатая кровавая звезда.
Все, что не я – сотри. Всем, кто не я – возмездье.
И гибнут области, деревни, города...

Книга Бальмонта – приговор:

Вы, чей бесовский спутник – страх,

.....

Один вам приговор: Проклятье.

Он «не понимает прощения врагов» Той, которую так
нежно зовет:

Мать моя, открой лицо родное.
Мать моя, молю, заговори!

которой «верен он за мглою всех разлук» и о которой од-
ной постоянно молится:

Свет, избавляющий, белый Христос,
С красною розой в груди.
Вспомни ее в колдовании гроз,
Вспомни ее и приди!

.....

А тех, кто знает лишь расстрелы
С кем гнет и ржавчина цепей,
В людские не включай пределы:
Кто Смерть призвал, тот будет с ней.

Поэт-человек Бальмонт, создавший некий Синтез, останется неуязвим. Пусть скажут одни, что это плохое искусство. Не скажут? Пусть другие, которым дела нет до искусства, попробуют сказать, что это плохая политика, попытаются записать его в правые, в левые, еще куда-нибудь? Нет, его «политика» мудрейшая из мудрых, она подсказана ему самой жизнью:

Ни направо, ни налево не пойду.
Я лишь веха для блуждающих в бреду.

Да, он, действительно, веха на дороге, не правой, не левой, – третьей. Пусть она еще не видна «блуждающим в бреду»: только она ведет к очищению и спасению России.